

*Ударные военные романы, написанные
ветераном спецназа ГРУ*

Сергей САМАРОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ КНИГ АВТОРА — БОЛЕЕ 4 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ВОЙНА — НЕ МЕСТО ДЛЯ ЧУДЕС.
НО ОНИ ВСЕ-ТАКИ СЛУЧАЮТСЯ**

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

КАВКАЗСКИЙ ФОКУС

Сергей Васильевич Самаров

Кавказский фокус

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41342644

Кавказский фокус / Сергей Самаров: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-099647-6

Аннотация

На Северном Кавказе бесчинствует банда эмира Ягдарбекова. Считая себя неуязвимым, отпетый головорез нагоняет ужас на мирное население. Ликвидировать группировку поручено отряду спецназа ГРУ под командованием подполковника Василия Староверова. Федералам удалось заблокировать экстремистов в одной из пещер, но не более того. По оперативным данным, в этой же пещере находится склад военного оборудования, которое надо сохранить любой ценой. Чтобы выкурить бандитов из их логова, Староверов придумывает очень эффектный и ошеломляющий трюк...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	43
Глава вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Самаров

Кавказский фокус

«Лисий хвост, волчья пасть» – именно так назывался один из лучших куреней запорожских казаков-пластунов восемнадцатого века. Слово «пластун» происходит от глагола «пластувати» – ползать, прижимаясь к земле. Ползать, оставаясь незаметным для противника. Этот курень стал прообразом современного спецназа.

В наше время такое название выбрала себе отдельная мобильная офицерская группа спецназа ГРУ, возглавляемая подполковником Староверовым, носящим позывной Сварог. Но название группы требовалось подтверждать делами, схожими с настоящими лисьими проказами, то есть с демонстрацией хитрости и нестандартного мышления. Причем подтверждать это приходилось многократно, в самых разных обстоятельствах, в разных по своей сути делах. А они часто обстояли так, что приходилось браться за оружие и после лисьей хитрости демонстрировать волчий оскал.

Однако известность ОМОГ приносил не только сам Сварог, но и другие офицеры группы, с лисьей хитростью и волчьим напором выполняющие то, что задумано команди-

ром...

Пролог

Неестественно громко зазвенела в горном воздухе сталь. Это пуля снайпера ударила в знаменитую кирасу одного из бандитов. Кираса – из хваленой дамасской стали, украшена знаменитым дамасским черненым несимметричным рисунком. Это характерный признак, такой же, как и ее хваленая прочность.

До подполковника Староверова уже многократно доходили слухи о том, как этот бандит хвастался, что его кирасу ни одна пуля не берет – она, дескать, заговоренная и спасает того, кто смел и себя не жалеет ради *holy war*¹. Бандит привез ее из самого Дамаска. Вернее, из окрестностей столицы Сирии, где украл экспонат из музея. Украл после того, как сам дал в него очередь из автомата и удивился, что пули не оставили в доспехе ни одной дырки, срикошетили: одна из них ранила в руку идущего рядом бандита, а вторая размозжила голову смотрителю музея, которого все равно собирались вскоре казнить. Наверное, простые пули и не должны были брать такую сталь. Все-таки дамасская сталь крепкая, и за те двести с лишним лет, что кираса служила разным людям, в нее стреляли, должно быть, многократно...

¹ Holy war – священная война.

Бандита требовалось уничтожить вместе с кирасой. Такой приказ дало командование, когда готовило группу к уничтожению эмира Ленура Ягдарбекова и его окружения, что прятался в известной всему Дагестану пещере. Этот приказ касался всех бандитов, вернувшихся из Сирии и продолжающих свою деятельность в родных горах.

Сложность состояла в том, что командование запретило в этот раз применять огнемёты «Шмель-М», обычно используемые для уничтожения бандитов в пещерах. Была поставлена задача: захватить склады банды и выяснить, что на этих складах находится. Если там не будет того, что нужно, необходимо будет искать другую банду, хотя именно банда Ягдарбекова – первая на подозрении.

Но и относительно бандита в кирасе указания тоже были конкретными. Он стал своего рода олицетворением враждебных сил. Вообще-то, выследив банду, уничтожить его можно снайперским выстрелом в голову. Квалифицированный снайпер для этого в группе был. Да и почти все автоматы у офицеров имели оптические или коллиматорные прицелы, что тоже позволяло надеяться на удачное попадание.

Но пуля в голову – это плохой результат. В этом случае слава спасительной кирасы возросла бы многократно. И потому командир отдельной мобильной офицерской группы

подполковник Староверов, как и его командование, хотел все же, чтобы пуля пробила саму кирасу. Чтобы она просто разворотила это произведение музейного искусства так, чтобы никому больше носить его не захотелось.

Для испытания прочности подполковник Староверов даже не пожалел собственный нож, откованный из дамасской стали где-то в дагестанской мастерской местным умельцем-кузнецом. Предложил снайперу попробовать пробить его разными пулями из разного оружия. Чтобы знать, чем потом «угощать» бандита.

Первый выстрел был сделан из обычного автомата, которым были вооружены все бойцы группы Сварога (такой позывной носил подполковник, и этот позывной, по сути дела, стал его вторым официальным именем). По крайней мере, командование часто звало его именно так. Староверов охотно отзывался, и лишь подчиненные офицеры группы хорошо помнили, что их командир имеет еще и имя-отчество, и обращались к нему: «Василь Василии».

Нож был прилажен на камне: лезвие плотно, с усилием вбито в щель. Оно прилегало к камню и лежало на самом краю почти без зазора. Автоматная пуля калибра 5,45 миллиметра ударила в лезвие со звонким щелчком и отлетела в неизвестном направлении. Хорошо, что Сварог догадался приказать всем отойти и залечь за камни и брустверы во избежание рикошета. Рикошет, как обычно, оказался непредсказуемым. Смотреть результат подполковник от-

правился вместе со снайпером. Вытаскивать нож из щели не стал, только слегка склонился вперед, чтобы рассмотреть небольшую точку на лезвии.

Пуля автомата оказалась бессильной против «Дамаска». Больше расстроил скол на рукоятке из почти драгоценного дерева венге². Скол этот сделала от ricoшетившая пуля. Подполковник не пожалел ножа, дав его пробить, стоило ли расстраиваться из-за рукоятки? Сварог решил, что не стоит, и тут же забыл об этом.

Второй выстрел был сделан уже пулей калибра 9 миллиметров из снайперской винтовки «винторез». Сама пуля, хотя и не бронебойная, все же намного мощнее автоматной. Тем не менее и она справиться с толстым лезвием не смогла. Правда, не ricoшетила, а сплющилась и упала на соседний камень. На самом лезвии появилось только пятно с расходящимися неровными кругами, как след от пули на бронированном стекле. Но лезвие все же пробито не было.

– СП-5 испытали. Перейдем на СП-6³, – предложил подполковник, недовольно поморщившись. Нож все-таки было

² Древесина венге – ценная порода дерева. Древесина легко обрабатывается, но сложно полируется. Тяжелая, твердая, устойчивая к гниению. Особенно ценится темная и плотная древесина сердцевины ствола. В порах венге содержится множество маслянистых веществ, что затрудняет полировку, поэтому для венге рекомендуется вошение.

³ СП-5 и СП-6 – патроны для «винтореза», бесшумного автомата «Вал» и целого ряда другого оружия. СП-5 – обычные, СП-6 – бронебойные, с каленым сердечником в центре, но с дозвуковой скоростью полета пули.

жалко. Нож был действительно хорош.

– Василь Василин, у меня СП-6 последняя обойма, – взмолился снайпер группы старший лейтенант Саня Африканов. – Лучше уж сразу КСВ⁴. Больших патронов у нас полно, а стрелять из этой винтовки, по сути дела, некуда.

В этом старший лейтенант был прав. Материальными ценностями, которые должна уничтожать или выводить из строя КСВ, бандиты просто не располагали.

– Как хочешь. Тебе виднее. Только я не уверен, что этот патрон справится. Он даже не бронебойный...

– Зато калибр 12,7 миллиметра. У нас в России винтовочного калибра мощнее вообще не существует⁵. Еще как спра-

⁴ КСВ – крупнокалиберная снайперская винтовка, которую иногда зовут антиматериальной винтовкой, поскольку, как считается, основное ее предназначение – уничтожение материальных ценностей, таких как небронированная техника, автозаправщики, РЛС и прочее подобное. Причем уничтожение с дистанции до двух километров. Кроме того, крупнокалиберные снайперские винтовки призваны для уничтожения снайперов противника с недоступного для них расстояния. Мощность патрона позволяет этого добиваться достаточно успешно.

⁵ В настоящее время тульскими оружейниками завода имени Дегтярева разрабатывается крупнокалиберная снайперская винтовка калибра 23 миллиметра. Вообще-то, согласно международной классификации патронов, оружие калибра более 20 миллиметров следует отнести к пушкам (в данном случае – к снайперским пушкам). Но, как сообщает Интернет, оружейников не смущает название их будущего детища. Факт тот, что это будет мощное оружие с оптическим прицелом. Источник: http://vpk-news.ru/news/33047?utm_source=24smi.info&utm_medium=referral&utm_campaign=1291&utm_contents=056610&utm_term=622A в мире уже есть английские, канадские и хорватские снайперские винтовки калибра 20 миллиметров, стреляющие зенитными снарядами. Винтовки большего калибра производятся только штучно и на

вится. Да еще с такой дистанции. А СП-6 можно и потом опробовать.

Стрелял снайпер Африканов с сотни метров. Подполковник внимательно наблюдал, как он прицеливается. А после выстрела, когда поднял бинокль, услышал слова старшего лейтенанта:

– Все, нет больше у вас этого ножа, товарищ подполковник...

Снайпер в мощный прицел все видел отлично. И бинокль сразу, как только стало возможно смотреть, подтвердил это. Хотя посмотреть в бинокль мешали слезы, вызванные пороховыми газами крупнокалиберной винтовки. Снайпер к этим газам уже привык и знает, когда следует закрыть глаза и не дышать. Сварог же находится рядом с такой винтовкой еще не привык и потому сразу же нахватался едкого дыма. Тем не менее, когда он проморгался и все же посмотрел в бинокль, то увидел только обломок лезвия, торчащий из камня.

Нож было очень жалко, но не потому, что он дорогой –

заказ. Основной их недостаток – мощнейшая отдача, способная сломать ключицу и плечо снайпера. Такие винтовки уже опробовались в США, где был создан мощный специальный снайперский патрон 408 Cheyenne Tactical (10,3x77 мм), но изготовленная винтовка первым же выстрелом ломала снайперу ключицу. Задачу исключения мощной отдачи сумел решить российский конструктор оружия и предприниматель Владислав Лобаев, глава компании «ЛОБАЕВ Arms», выпустив свою винтовку «Сумрак» того же калибра. Винтовка имеет отдачу не сильнее других КСВ и при этом способна стрелять на дистанцию до трех с половиной километров. Сейчас Владислав Лобаев ставит перед собой задачу создать винтовку, способную поражать цель на дистанции до четырех километров.

Сварог вполне мог позволить себе купить новый, – а потому, что дамасская сталь очень тяжело точится, и Василий Васильевич целую неделю, еще будучи дома, каждый вечер выделял лишний час на дополнительную заточку ножа алмазным бруском. Подполковник был убежден, что ни один на свете наждачный станок не сможет заточить нож так, как это делает брусок. Простой нож или малую саперную лопатку точат сначала простым наждачным бруском и только под окончание – алмазным. Нож из дамасской стали простой брусок вообще не брал, и оставалось удивляться, как в Средние века рыцари затачивали свои булатные мечи, если тогда не существовало технологии напыления алмазной крошки на камень или металл? Отвечал себе Староверов тоже сам. И отвечал вопросом на вопрос. А как умудрялись древние цивилизации строить пирамиды и подгонять камни настолько плотно, что между ними не оставалось щелей? В прошлом люди умели многое, кое-что даже с современными технологиями выглядит малореальным.

Подполковник встал вместе со снайпером, желая сходить за остатками ножа и рассмотреть работу мощной пули ближе. Но в этот момент ему позвонили на трубку. Сварог, даже не посмотрев на определитель номера, потому что слишком долго вытаскивал трубку из-под бронежилета, нажав клавишу, сразу ответил:

– Подполковник Староверов. Слушаю вас...

И только после этого, отняв трубку от уха, посмотрел на

определитель.

– Товарищ подполковник, дежурный по КПП старший прапорщик Николаев, – представился звонивший. – Тут машина приехала. Легковая. Два человека. Местные. Вас спрашивают. Один сказал, что его зовут Али. Что им сказать?

– Я сейчас на стрельбище. Только через пятнадцать минут до КПП доберусь. Попроси подождать. Спроси, сможет он? Вежливо, аккуратно. Если не сможет, не дави на него, но мне потом перезвони. Если будет ждать, можешь не звонить. Мне все равно в вашу сторону двигать.

– Он на улице. Сейчас к нему выйду. Страховка, товарищ подполковник, нужна? Я могу наряд из «караулки» вызвать...

– Не надо. Я этого человека очень хорошо знаю.

Впрочем, даже при встрече с незнакомыми людьми подполковник Сварог предпочитал обходиться без страховки. Он со своей подготовкой мог себе это позволить.

Оставив группу продолжать занятия по уничтожению статичных мишеней на стандартной дистанции, Василий Васильевич не пожелал пойти за ножом. Тем более ножа как такового там уже не было, и даже рукоятка была повреждена. Конечно, можно было отдать дамасскую сталь кузнецу, который найдет применение осколку, но у КПП ждал человек, и следовало поспешить. Хотя стрельбище и находилось на территории военного городка, тем не менее, чтобы попасть на КПП, требовалось пересечь по диагонали всю территорию

военного городка. Василий Васильевич попросил снайпера забрать осколок ножа, а сам пошел на КПП.

Торопился он не потому, что Али был человеком обидчивым, а потому, что человек этот часто доставлял ценные сообщения. А сегодня, как они и договаривались два дня назад, скорее всего, привел человека, о котором говорил Свирогу по телефону...

* * *

Ходить быстро Староверов не только любил, но и умел. Он даже в городских условиях, на ленивых асфальтированных улицах, всегда передвигался так стремительно, что жена никогда за ним не успевала, всегда просила подождать.

Он ждал, но через пять минут его приходилось окликать снова. Так он ходил всегда.

С трудом себя сдерживал, если приходилось идти в строю. Но если шел один, то сдерживать себя и не пытался. И потому у двери КПП оказался не через пятнадцать, а уже через десять минут.

Дежурный по КПП старший прапорщик Николаев при появлении подполковника встал. Докладывать даже старшему офицеру, если он не носит повязки дежурного по части или не является прямым командиром старшего прапорщика, дежурный по КПП не обязан, и потому Николаев молча показал на входную дверь:

– Там, товарищ подполковник, в машине ждут. Китайская какая-то машина...

– Корейская должна быть, – ответил Сварог мимоходом, не объясняя, а только уточняя.

За проходной, сбоку от крыльца, стоял в вечернем полумраке грузопассажирский микроавтобус «Хенде Ейч один», на котором ездил Али. Машина была пятиместная, имела сзади небольшой грузовой отсек. На водительском месте сидел сам Али, на заднем ряду сидений видно было неясную фигуру еще одного человека.

Василий Васильевич подошел к водительской дверце. Али опустил стекло, как-то натянуто кивнул в знак приветствия, словно что-то мешало его затылку шевелиться, дико поворачивал глазами, но сказал вполне членораздельно и даже не заикаясь:

– Садись, Василь Василия. Джамсутдин желает поговорить с тобой.

Подполковник Сварог сразу понял и дикое вращение глаз, и неестественный кивок Али, и даже его манеру разговора.

Прежде Али Темирханов всегда разговаривал с ним на «вы», а тут резко перешел на «ты», даже не спросив согласия, – такой переход однозначно настораживал и привлекал к себе внимание. Скорее всего, это означало, что в затылок Али упирался ствол пистолета, невидимый в вечернем полумраке. И этот ствол был готов к тому, чтобы ткнуться в голову подполковника, как был готов и к выстрелу.

Староверов сразу просчитал ситуацию. Если Али под стволом пистолета заставили приехать сюда и вызвать подполковника, то этот человек с заднего сиденья намерен убить их обоих. Если бы он хотел что-то узнать, разведать, то необходимости ехать сюда у Джамсутдина, если это он, не было, можно было просто заставить заговорить самого Темирханова. Он не настолько силен духом, чтобы устоять и не дать показания.

И Джамсутдин должен был это видеть и чувствовать. Там, откуда он только-только вернулся, все чувства постоянно напряжены до предела.

Али вернулся оттуда же год назад. Но ему суд дал только год заключения, а после освобождения он должен еще пять лет ежедневно отмечаться в райотделе полиции, что Темирханов постоянно и делал, хотя работал в соседнем поселке, где собирал на станке стеклопакеты для окон. Для этого он выезжал из дома на сорок минут раньше, сначала заезжал в райотдел, отмечался у дежурного, потом на выезде из поселка его традиционно останавливали на посту ГИБДД, спрашивали, не забыл ли отметить, обязательно звонили в райотдел и проверяли его слова.

У Али создавалось впечатление, что над ним просто издеваются, поскольку такая деятельность совершенно не вписывалась в обязанности инспекторов ГИБДД, но возразить он в силу своего нерешительного характера пока ничего не мог и только однажды пожаловался подполковнику Старо-

верову. Тот по своим каналам в республиканском ФСБ связался с прокуратурой района и сумел договориться. После этого проверки на посту ГИБДД прекратились. А до этого машину Али подолгу обыскивали и только потом, с большой задержкой, отпускали человека на работу.

Темирханову, чтобы не опоздать, приходилось ехать с превышением скорости. А впереди часто стояла патрульная машина ГИБДД. В результате выписывали штраф. За месяц накапливалось пять-шесть квитанций на уплату штрафов.

Простым уголовникам жилось несравненно легче, чем осужденным по «триста пятьдесят девятой». Но Али был осужден еще по части третьей⁶, то есть просто за участие в вооруженном конфликте или в боевых действиях. Получил реальный срок и еще пятилетний последующий надзор.

Там же, на «зоне», он, мягкий по характеру человек, всеми третируемый, получил поддержку от другого осужденного по той же статье, от своего земляка Джамсутдина Абдурашидова, которого до этого знал только мельком, да и то в детстве, когда мальчишками дрались улица на улицу.

Джамсутдина осудили по части первой, приписав ему еще

⁶ Статья 359 УК РФ за наемничество. Часть третья статьи предусматривает наказание лишением свободы на срок от трех до семи лет, с ограничением свободы до одного года либо без такового. Наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

и вербовку, поскольку он уговорил уехать с собой своего друга детства, соседа и известного в стране борца-дзюдоиста Ибрафилу, впоследствии погибшего в Ираке. За что получил в два раза больший срок, чем Али Темирханов, и обязан был еще восемь лет находиться под надзором, то есть ежедневно отмечаться в полиции.

Джамсутдин только неделю назад вернулся домой, и Али уже дважды говорил о нем по телефону с подполковником Сварогом. И с самим Джамсутдином говорил о Свароге. Пожелал их познакомить как можно быстрее, потому что, как сказал Али, по ночам в дом Джамсутдина приходят чужие люди. Это следовало пресечь. Кто может приходить в дом по ночам, Али прекрасно знал, потому что к нему самому трижды приходили. После второго визита он обратился к подполковнику Староверову. Сварог решил проблему кардинально, и при этом все произошло за квартал от дома Али, того нельзя было ни в чем обвинить.

– Джамсутдин честный и справедливый, – объяснял Али. – Как когда-то простые люди в России справедливой жизни искали, становясь большевиками, так и он, и я – мы хотели новой честной жизни себе и всем, а потому в ИГИЛ подались. Мы же не знали, что там на самом деле творится. Мы верили тому, что нам говорили. Просто Джамсутдин – романтик. И его легко обмануть снова. Скажут, не к тем людям он в Сирии попал, пообещают с хорошими людьми познакомиться, и все, и снова уведут. А хороших в ИГИЛ не бы-

вает, я это сразу понял.

Василий Васильевич воспринимал это беспокойство Али Темирханова, которому взялся помочь вернуться к нормальной жизни, как свое. И готов был поучаствовать одновременно и в судьбе Джамсутдина Абдурашидова, чтобы и того тоже уберечь от опрометчивых шагов. Ведь всегда легче остановить человека до того, как он станет преступником, чем разыскивать и уничтожать его после совершения преступления.

В этот раз Сварог не знал, Джамсутдин ли сидит на заднем сиденье. Но легко просчитал, что ему в данный момент никак нельзя отходить от машины на открытое место. Сразу последует выстрел в голову Али, а потом и в подполковника, оставшегося без прикрытия. Конечно, в любого человека еще нужно попасть, тем более – из пистолета. Даже с близкого расстояния, если противник умеет правильно себя вести, попасть не всегда удастся.

Особенно сложно произвести выстрел, например, в голову. То есть на поражение. Корпус подполковника хорошо прикрыт металлокерамическим бронежилетом, пробить который пистолетная пуля не сможет. К тому же в руке Старовойтова оставался автомат. Но надо еще предохранитель опустить и затвор передернуть. А на это всегда теряется до двух секунд минимум. Но противник не знает, есть ли патрон в патроннике. Именно на этом можно было и сыграть.

Кроме того, в кармашках, прочно подвешиваемых к бро-

нежилету на «липучках», имелись две гранаты «Ф-1». Одна была учебной, вторая – боевой. Различить их можно только по цвету. Боевая всегда зеленая, а учебная черная с белым крестом на одной из граней. Только как вспомнить, в каком кармашке граната учебная, в каком боевая... Конечно, у учебной гранаты есть в нижней части отверстие, в которое попадает мизинец, если гранату вытащишь, но прощупать отверстие через плотный кармашек-подсумок, имеющий собственное плотное дно, невозможно. Действовать в этой ситуации можно или с помощью автомата, или с помощью гранаты, или вообще с помощью одних только рук. Но действовать можно только в машине, иначе человек с заднего сиденья застрелит Али.

Допустить это, то есть пожертвовать бывшим террористом ИГИЛ, доверившимся властям и пытающимся вернуться к нормальной жизни, Сварог не мог. Он предпочел идти навстречу опасности, идти с ней на сближение, чтобы в нужный момент использовать ситуацию. И потому обошел микроавтобус спереди, постоянно находясь перед лобовым стеклом, значит, на глазах у человека с заднего сиденья. Такое поведение человека с пистолетом, конечно же, расслабляло, показывало ему, что подполковник ничего не подозревает и идет в расставленную ловушку с распростертыми объятиями. Ничего не выражало и спокойное, почти добродушное лицо подполковника российского спецназа. С одной стороны, оно казалось непроницаемым, с другой – располагало к

общению, но никак не выказывало угрозы.

Но открыть переднюю дверцу, чтобы сесть в микроавтобус, Василий Васильевич уже никак не мог. Даже громко выматерил корейцев, сделавших машину. В действительности Сварог знал, что дверца открывается с небольшой хитростью и при этом без труда. Но ему требовались время и лязгающий звук, чтобы скрыть свои действия. И он легко скрыл их, хотя посмотреть, боевая или учебная граната оказалась в руке, у него возможности не было. Даже кольцо он сорвал вслепую, с силой сжимая при этом отжимной рычаг гранаты, чтобы не допустить преждевременного взрыва, если граната является боевой.

Кольцо срывалось всегда трудно. Раньше, бывало, подполковник со смехом вспоминал различные глупые фильмы про войну, где почему-то обязательно матросы в отчаянном порыве вырывали кольцо зубами и при этом, к удивлению людей знающих, не оставались без зубов. Лишить себя зубов таким кольцом проще, чем вырвать кольцо из запала.

При этом Василий Васильевич знал одного капитана, который умел вырвать кольцо усилием большого пальца той же руки, в которой лежала граната. Но это исключение из правил. Кроме этого капитана никто таких фокусов повторить не мог – ни офицеры, ни солдаты. К слову сказать, тот капитан тем же пальцем, одним движением ногтя, открывал пивную бутылку с металлической крышкой. Это природа наградила человека такими пальцами. Для остальных она так

не постаралась.

И потому Василию Васильевичу пришлось свести руки около дверной ручки, там сорвать кольцо, но показать при этом, что он пытается открыть дверцу. Она все же открылась, руку с гранатой он успел спрятать за спину. Легко сел на переднее сиденье и тут же почувствовал, что в голову ему ниже затылка уперся ствол пистолета.

Подполковник повел себя спокойно, без суеты и испуга.

– Тебя как зовут? – спросил он, бросив взгляд через плечо.

На заднем сиденье сидел человек лет сорока пяти, с седоватой бородой. Это явно был не Джамсутдин – ровесник Али.

– Можешь называть меня Мансуром. А фамилия моя для покойника значения не имеет.

– Ты уже приготовился стать покойником? – спросил подполковник.

– Ты – покойник... – в голосе бородатого слышалось злорадство. – Оба вы – покойники...

Пистолет в левой руке прижимался к шее Али Темирханова.

– Возможно, – вяло согласился Сварог. – Но и ты тоже...

И он показал руку, из которой торчал запал гранаты с сорванным кольцом. Мансур, без сомнения, знал, что это такое. Об этом говорило его долгое сосредоточенное молчание. Соображал, что предпринять.

– Я – смерти не боюсь... – сказал он наконец. – Значит,

умрем все вместе!

– Нет, с тобой вместе я умирать не собираюсь. Просто брезгую. Мы вот с Али умрем сразу, без мучений, ты на пол года позже, сам каждый божий день желая побыстрее подохнуть. В камере для осужденных на пожизненное заключение.

Василий Васильевич знал, что говорит. Для таких людей пожизненное заключение – самая худшая кара из всех, которые можно придумать.

– Как так? – не понял Мансур, но видно, что заинтересовался. Значит, умирать не хочет.

– Очень просто. Основные осколки гранаты примем на себя мы с Али и двигатель машины. В твою сторону только пара штук, я думаю, полетит. Еще и сиденье частично защитит. Тебя, мне кажется, только ранит. На взрыв выбежит наряд с КПП. Тебя сначала «повяжут», потом только перевяжут. Таких уродов подолгу в тюремном лазарете не держат. Тебя даже в суд на носилках отнесут. А потом – камера для пожизненного. Одна стена – решетка. За решеткой пара часовых за столом сидят, чай пьют, а тебе воды не дают ни капли. Даже на парашу садиться будешь под их присмотром. И повеситься тебе не разрешат. Так изобьют, что все желание пропадет, да и шевелиться после избиения еще долго не сможешь. Это я тебе обещаю и от своего имени, и от имени командования, которое тоже опыт имеет немалый. Короче говоря, жизни радоваться тебя отучат быстро. У нас на «зонах» это делают профессионально и быстро. Заодно нечаянно

но почки отобьют, чтобы ты по ночам под себя мочился. Отучать от дурных привычек вертухай⁷ умеют. И ходить будешь на прогулку в наручниках, с задранными за спину руками. Там больше трех месяцев никто не протягивает. От постоянного унижения умирают. Зад будет постоянно болеть от тяжелых пинков. Время от времени добрые крепкие парни будут тебя навещать и методично избивать. Скажем, каждый понедельник. Или каждый вторник. Как договорятся... Ты готов к этому?

Мансур слушал внимательно. Так внимательно и увлеченно, что у подполковника Староверова появилась возможность самому посмотреть на свою руку, пока противник не смотрит. И даже слегка разжать пальцы. Так он увидел даже в полумраке салона, что на черном корпусе гранаты есть белый крест – значит, граната учебная и ничем не грозит ни Мансору, ни подполковнику, ни Али.

– Короче, так... – распорядился Мансур. – Сегодня я вас убивать не буду. Разойдемся мирно. До следующей встречи. А следующая встреча будет, ты, подполковник, не сомневайся. Мансур не из тех, кто словами бросается. Если я обещаю, я делаю. Ты сейчас, подполковник, пойдешь со мной. Дойдем до угла забора, там я тебя отпущу при условии, что ты гранату за забор забросишь. Но учти, что я человек обученный и вольности тебе не прощу. Пристрелю при первом же подозрении.

⁷ Вертухай (*жарг.*) – надзиратель, охранник в местах заключения.

– Пойдем до угла забора, – легко согласился Сварог и, не выпуская из одной руки гранату, из другой автомат, открыл свою дверцу. Так он убрал из-под удара Али Темирханова. Это простейшая теория – защищать неподготовленного человека всегда сложнее, чем, имея необходимые навыки, защититься самому.

– Оружие оставь здесь, в машине, – потребовал Мансур с усмешкой. – Чтобы я не боялся показать тебе спину.

– Думаешь, я без оружия не смогу тебя уложить? – усмехнулся в ответ Староверов, попутно отвлекая Мансура от мысли, что оружием может воспользоваться Али, показывая себя хвастуном, а хвастунам мало кто верит. Но все же команду выполнил и поставил автомат стволом вверх на переднее сиденье. Мансур не возразил. Он не знал старую истину, что лучший пистолет – это автомат, на свои два пистолета надеялся. – Просто кулаком убью... – снова пригрозил подполковник. – Не ты первый, не ты последний, кто на мой кулак нарывается.

– Стар ты для того, чтобы со мной справиться... – крепкий и физически сильный Мансур не знал и второй прописной истины, что объем бицепса на скорость полета пули не влияет. Хотя обещание ударить кулаком отвлекает от возможности получить пулю. Это своего рода обманное движение, свойственное спортивным единоборствам точно так же, как и боевым противостояниям.

Но Мансур желал показать, что он и пули не боится. Не

только пистолетной, но и автоматной. А его самоуверенность, присущая каждому парню с Кавказа, так и оставалась самоуверенностью и не была больше ничем, потому что не знал он и третьей истины спецназа, что каждая капля пота, пролитого на тренировках и занятиях, экономит человеку его собственную кровь, которая потом не прольется. А уж сколько пота пролито Сварогом на тренировках! Ведер не напасешься, чтобы измерить. А это значило, что свою кровь он берег...

Мансур тоже вышел из машины, но ствол держал, направленным в голову подполковника, а второй при выходе из машины направил на Али. Если бы Мансур направил пистолет в грудь или в живот, Василий Васильевич сразу бы резко атаковал. Он знал быстроту своих движений. И хотя понимал, что они не быстрее выстрела, предполагал действовать так, очень надеясь на свой бронежилет. В своей подготовке он был уверен на сто процентов.

Он уже определил оружие Мансура – пистолет «Кольт» образца 1908 года⁸, который был, естественно, не в состоянии справиться с бронежилетом «Ратника» даже при стрельбе в упор. Но голову от ствола убрать все равно легче, чем

⁸ «Кольт» образца 1908 года – крупный и неуклюжий пистолет с большим количеством недостатков, но для времени своего создания считался мощным оружием. Был поставлен на вооружение армии США в 1911 году и стоит на вооружении до сих пор. Имеет мощный калибр 45 АСР (11,43 мм). Начальная скорость полета пули 252 м/с (для сравнения: пуля, выпущенная из пистолета Макарова, имеет начальную скорость 315 м/с).

корпус, и подполковник не сильно переживал по этому поводу, надеясь «поймать» момент. Хотя Мансур и повел себя правильно.

– Два шага вперед. Идешь до угла впереди меня... На углу останавливаешься, бросаешь гранату за забор, и мы прощаемся до следующего свидания.

Староверов тоже повел себя правильно. Он убрал руки за спину. В этом случае попытка Мансура выстрелить сзади в голову неминуемо заставила бы спецназовца выронить гранату. И между ним и Мансуром уже не было бы никакого препятствия. При этом подполковник не заострял внимания на том, что на углу, когда он бросит гранату, он останется без оружия против вооруженного Мансура. Условия пока ставил бандит, и с этим приходилось считаться. Как иначе «разрулить» положение, Сварог не знал. Хотя надеялся на Али...

Василий Васильевич улыбнулся и пошел, сразу отметив, как в воздухе за спиной раздался легкий скрип. Но не обернулся. Видимо, не обернулся и Мансур, не желая отвлекаться от мишени у себя перед глазами. Но Сварог знал, что делал, когда ставил автомат на сиденье микроавтобуса.

Конечно, Али зря стал опускать стекло, которое заскрипело в резиновой прокладке. Этот скрип Сварог помнил, когда сам опускал стекло, усевшись на переднее пассажирское сиденье. Но простое открывание двери, возможно, создало бы больше шума. А стрелять прямо сквозь стекло Али не захотел. Стекло, должно быть, пожалел. Для хозяина машины

это естественное желание.

Староверов отходил от микроавтобуса все дальше и дальше и ждал развязки, которую обещал взгляд Али Темирханова, а развязки все не было. Темнело стремительно. И было сомнение, что Али сумеет включить ночной прицел автомата.

Шли в напряжении. И только когда до угла бетонного забора оставалось около десяти шагов, раздалась короткая очередь. Сварог сразу свалился на землю, понимая, что он находится на линии огня, значит, пуля при неточном прицеле может попасть и в него. И не обязательно в спасительный бронезилет. Уже лежа перекатился и обернулся. Мансур был жив. Он извивался змеей на земле, неестественно выгибаясь. К нему уже бежал с автоматом Темирханов, готовый при необходимости добить Мансура. Но тот уже выронил пистолет, который поднял подполковник, сразу подскочивший ближе и сам готовый при необходимости пустить в бандита пулю.

Али подбежал, передал автомат подполковнику.

– Что так долго тянул, не стрелял?

– В нашем народе не принято в спину стрелять. Я все ждал, что он обернется⁹. Специально стал стекло опускать,

⁹ Согласно преданиям дагестанского народа, когда имам Шамиль сдавался русским войскам и ехал верхом из крепости, его многократно окликали те, кто остался за стенами и не пожелал сдаться. Но Шамиль, зная, что в Дагестане не принято стрелять в спину, не оборачивался, чтобы в него не выстрелили. Выстрел так и не раздался.

чтобы он скрип услышал.

– И что?

– Не дождался. Тогда я ему одной очередью всю задницу разворотил. Пусть первым бросит в меня камень тот, кто скажет, что задница – это спина!

Староверов усмехнулся этой маленькой хитрости, но тут же вспомнил:

– Джамсутдин где?

Али встрепенулся:

– Дома! Поехали! Быстрее. К его дому...

Они побежали к машине.

У КПП уже находился вооруженный наряд караульных. Дежурный вызвал его на звуки стрельбы. И сам вышел с автоматом в руках.

– Там раненый бандит лежит, – показал подполковник дежурному по караулу старшему лейтенанту. Вызовите врача и полицию. Нам надо еще дело закончить. Свою группу я вызову к себе в помощь. Выпустите машину через ворота, – и показал трубку смартфона, которую уже успел достать, демонстрируя желание вызвать своих бойцов.

Микроавтобус резко рванул с места, разрезая светом фар вечернюю темноту улицы. Василий Васильевич сразу позвонил своему заместителю майору Волоснякову, коротко обрисовал ситуацию и потребовал группу в полном составе «на выезд». Али подсказал адрес.

Сами они уже подъехали. Дорогу им преграждала поли-

цейская машина. Два омоновца с автоматами на груди с двух сторон подошли к дверцам. Еще двое остались на дороге, наставив тупорылые стволы на микроавтобус. Подполковник вышел, Али Темирханов, помня отношение к себе полиции, остался сидеть за рулем, хотя двигатель выключил.

– Капитан Исламов, – козырнул омоновец, представляясь. – Проезд закрыт, товарищ подполковник. Извините...

Видимо, капитан знал Василия Васильевича: погоны старшего офицера были полностью скрыты бронежилетом, и чтобы обратиться к нему по званию, его следовало знать лично.

– Что здесь произошло?

– Было нападение на дом. Женщин не тронули, мужчину связали и посадили в подвал, привязали к груди взрывное устройство с часовым механизмом. Сейчас сапер ФСБ там работает. Время до взрыва еще осталось, должен успеть обезвредить. Только сапер опасается, что это ловушка – слишком большой диапазон времени, а сам взрыв будет произведен просто дистанционно. Но от разминирования не отказался.

– Кто хозяин дома?

– В том-то и дело, что хозяин – бывший террорист, вернулся из Сирии, отсидел срок и лишь недавно освобожден. Видимо, старые друзья с ним пожелали рассчитаться. Или снова привлечь к делу, а он отказался. Конфликт вышел. Они сами «зоны» не понюхали, потому и духарятся. А он посчитал, что с него хватит.

– Фамилия?

Сварог еще надеялся, что это кто-то другой.

– Абдурашидов. Джамсутдин Абдурашидов. Я его лично знаю. Парень серьезный. Сейчас сидит связанный, на груди взрывное устройство, а он даже не вздрогнет, не мигнет. Молчит.

Сварог вытащил трубку и позвонил дежурному по райотделу полиции. Представился.

– К вам должны были доставить раненого бандита...

– Не к нам, товарищ подполковник. Его сейчас в больнице оперируют. А с ним там опера из ФСБ сидят, караулят.

– Понял. Номер старшего оперативной группы ФСБ?

– Сейчас позвоню, узнаю, товарищ подполковник.

– И как его зовут заодно узнайте.

– Десять секунд. Я с другого аппарата позвоню...

Дежурный по райотделу вышел на связь через две минуты. Сообщил все, что требовалось. Сварог набрал номер сотового телефона, который запомнил сразу.

– Майор Лимонов, следственное управление ФСБ республики. Слушаю вас, – ответил кислый, как лимон, голос.

– Здравия желаю, товарищ майор. Подполковник Староверов, спецназ ГРУ. Командир отдельной мобильной офицерской группы «Лисий хвост, волчья пасть». Вы сейчас дежурите возле операционной?

– Слышал про вашу группу. Странное название вы себе выбрали. Да, мы дежуриим, – совсем по-граждански отозвал-

ся майор. – А что интересуется спецназ ГРУ?

– Это с нашей помощью к вам попал данный террорист. Он, кстати, назвался Мансуром, но фамилию сообщить не пожелал. Но это не важно. Его обыскали?

– Конечно. В первую очередь. Да, вот мне подсказывают, что обыскали его еще ваши, из спецназа, рядом с вашим городком. Еще до того, как «Скорая помощь» прибыла. И все вещи из карманов передали нам. Вместе с документами. Его действительно зовут Мансур. Отчество – Мансурович. Фамилия – Абдулкеримов.

– Там, среди личных вещей, случайно нет пульта управления взрывным устройством?

– Есть что-то похожее на брелок от автомобильной сигнализации, но без ключа. Обычно сигнализация бывает с ключом. Даже у машин с бесключевым доступом. Что с этим делать?

– Сейчас сапер от вашей организации разминировать человека в подвале. Человека связали, примотали к нему взрывное устройство. Возможно, у вас пульт от этого взрывного устройства. Аккуратнее с ним.

– Понял. Проявим аккуратность.

– Дело будет вести Следственное управление Следственного комитета или вы?

– Едва ли им передадут. Скорее наше Следственное управление. Раз уж мы ввязались... Передавать дольше, чем расследовать. Одних бумаг сколько написать надо.

– Тогда вы должны будете допросить меня. Завтра утром к вам заеду. Обговорим все варианты. Как состояние раненого?

– Да, я уже запланировал ваш вызов на завтра. Если приедете без вызова, тем лучше. Что касается состояния... Врач говорит, ходить больше никогда не сможет. Полностью раздроблены кости таза и копчик. Так раздроблены, что там срастаться, по сути дела, нечему. Спинальный мозг странным образом не поврежден. Но это, как говорит врач, случайность. Я бы назвал это даже нелепостью. Обычно даже при легкой травме копчика повреждается спинной мозг. Мальчишка мальчишке, с детства случай помню, на перемене дал пинка и повредил спинной мозг. Было в Москве такое шумное уголовное дело.

Если бы был поврежден спинной мозг, бороться за жизнь террориста было бы бессмысленно. Хотя я считаю, что и так мы делаем ненужную работу. Хирург тоже делает лишнюю работу. Что прикажете делать с таким человеком впоследствии? Как судить лежачего инвалида? Вместе с кроватью в суд доставлять? И отпускать его к семье по закону тоже нельзя... Вообще – непонятно, что делать с лежачим инвалидом. Специальных тюрем с сиделками у нас не водится... Кто в него стрелял? Ваши люди?

– Дагестанец. С юмором человек попался. Закон гор запрещает стрелять в спину. Вот и дал очередь ниже спины...
– Сомневаюсь я в необходимости таких действий. Надо уж

было в затылок стрелять, раз в спину нельзя! Тоже мне – закон гор... Не знаком я со сводом таких законов и изучать их не собираюсь. У меня командировка через два месяца кончается. Ни к чему мне их изучать.

Василий Васильевич не предложил майору Лимонову оставить свое мнение при себе, хотя очень хотелось сказать именно так. Но сам он прекрасно понимал, как трудно в темноте, да еще с дистанции, попасть в голову одному человеку и не попасть при этом в голову идущему на два шага впереди. Пуля обычно прошивает голову насквозь и тянется за следующей жертвой. Али это понимал, видимо, лучше майора ФСБ.

* * *

Операция по дезактивации взрывного устройства закончилась благополучно. Взрыватель был действительно дистанционного действия. Но не сработал. После чего начались следственные действия.

Прибыла дежурная следственная бригада районного управления ФСБ, без майора Лимонова, который по-прежнему находился в больнице. Пока его замещал дежурный следователь. И подполковника Староверова как непосредственного участника событий сначала допросили самого, а потом уже как лицо непосредственно заинтересованное допустили к допросам, которые проводили там же, рядом с до-

мом, прямо во дворе, в микроавтобусе «Газель».

Свет в салоне микроавтобуса почему-то не зажигали, словно маскировались, и дежурный следователь в гражданском костюме писал протокол ручкой со встроенным фонариком. Ручка была толстой и с трудом помещалась в пальцах, тем не менее, видимо, нравилась следователю, и он, похоже, специально не зажигал в салоне свет, чтобы обратили внимание на его ручку.

Василий Васильевич внимание обратил, но радоваться такому новшеству не пожелал даже тогда, когда получил ручку в руки и, тем же самым фонариком подсвечивая, прочитал протокол перед тем, как подписать. Почерк у следователя был каллиграфический, писать он, кажется, любил и умел красиво и разборчиво, и потому протокол читался на удивление легко. Староверов подписал его той же ручкой и вернул ее следователю. А зачем разглядывать, если он уже успел разглядеть забавный предмет, еще когда следователь протокол готовил...

Допрос Али Темирханова проводился в присутствии Василия Васильевича. И только тут командир ОМОГ¹⁰ узнал все подоплеку событий сегодняшнего вечера, узнал, как Али попал в ловушку.

Он договорился с Джамсутдином Абдурашидовым, что на следующий день, когда у Али был выходной, они поедут к

¹⁰ О М О Г – отдельная мобильная офицерская группа, особое подразделение спецназа ГРУ, составленное из самых опытных офицеров.

подполковнику Староверову. Но как раз в то время, когда Али возвращался с работы, Джамсутдин позвонил и попросил Али срочно к нему заехать. Али показалось, что голос у Абдурашидова был слегка взволнованным, но заподозрить Абдурашидова Али не мог. Тот всегда выглядел человеком твердым, решительным и бесстрашным. Али поехал, не заезжая домой, думая, что это ненадолго. Приехал, позвонил в дворовую калитку, которую открыла жена Джамсутдина. Али показалось, что и она выглядит как-то странно. Он прошел в дом, сразу в комнату к Джамсутдину. И только успел войти, как в бок ему уперся ствол автомата. В той же комнате сидел на стуле и Джамсутдин, в затылок которому смотрел ствол пистолета второго бандита, а еще один пистолет был приставлен к голове пятилетней дочери Джамсутдина, что прижималась к отцу и смотрела на взрослых испуганными глазами, не понимая, что происходит. По губе Джамсутдина на короткую, аккуратно постриженную бороду стекала струйка крови. Значит, его били и рассекли губу. А Абдурашидов не из тех, кто позволит себя бить, это Али знал. Значит, дело серьезное. И эти «гости» тоже люди серьезные.

– Вот и второй, – сказал человек с автоматом. – Осталось только третьего вытащить. Будем сразу вытаскивать, Мансур?

– А чего тянуть. Али его и вытащит. В свою машину. А я с ним поеду... Ты пока Абдурашидова в подвал посади и сделай все, как полагается. У них на кухне подвал. Под ков-

ром люк. А ты, Али, проходи, не стесняйся. Сейчас поедем с тобой вместе.

Али прошел в комнату, сел на диван, куда его подталкивал ствол автомата второго бандита. И сразу отметил, что бандит носил не обычный бронежилет, какой был на том же Мансуре, а стальную кирасу со странным черненым несимметричным рисунком, словно рисунок этот не человеческой рукой был выполнен, а был структурой металла. Как у дерева бывает своя структура при спиле.

– Опять этот в кирасе засветился... – заметил следователь ФСБ.

– Уже где-то и у вас отмечился? – спросил Сварог.

– Многократно. Как и у вас. Эмиссар от ИГИЛ. Приехал из Сирии в кирасе из дамасской стали. Музейный, говорят, экспонат. Пуля от этой стали отскакивает. Пора хозяином этой кирасы плотнее заняться. Много он уже напакостил. Сидит в банде Ленура Ягдарбекова. Согласно нашим данным, уже успел за два месяца отправить в Сирию или в Ирак троих молодых парней. Ищет еще. Со многими встречался, беседовал. Не знаю о чем. Нам никто заявление не писал. Очень активный этот тип. И, похоже, авторитетный.

– Мы им уже плотно занимаемся. Мой снайпер готовится... Испытываем подходящую винтовку, чтобы кирасу вместе с человеком напрочь разворотила. Не просто пробила, а именно – разворотила. Тогда никто эту кирасу не наденет. Смысла не будет такую тяжесть на себе таскать, да и толку

от нее, развороченной, будет мало.

– Ее простая винтовка не возьмет, – уверенно заявил следователь, словно знал все снайперские винтовки и их возможности.

– Мы КСВ пристреляли. Эта справится.

– Должна, по идее, справиться. Только хорошо бы на другом «Дамаске» испытать.

– Уже испытали.

– Уже? – удивился следователь. – А где булат взяли?

– Мой личный нож расстреливали. Там толщина три и четыре десятых миллиметра. Разнесло пулей. И кирасу разнесет вместе с человеком. Кираса тоньше.

Следователь согласно закивал:

– побыстрее бы... Всем беспокойства меньше будет. Ну, продолжим допрос. Темирханов, дальше что было?

– Дальше – Мансур сел со мной в машину и заставил к товарищу подполковнику ехать. Что там дальше было, вы уже знаете. А с Джамсутдином этот остался, второй...

– Как его зовут?

– Мансур называл его Бабуром¹¹. Но это, как я понимаю, кличка. Такого имени среди дагестанцев я не встречал.

– Он – дагестанец? – спросил подполковник Староверов.

Допрашиваемый Али пожал плечами, показывая свою

¹¹ Бабур – Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (лев, полководец), сын эмира Ферганы, по отцу – потомок Тамерлана, по матери – потомок Чингисхана. Основатель государства на территории средневековых Афганистана, Пакистана и Индии и основатель династии Великих Моголов.

неинформированность, но кивнул в сторону дома. Дескать, это может знать Джамсутдин. Его следует спросить.

– Кистинец¹²... – уверенно ответил за Али следователь. – У нас есть такие данные.

– А почему не в Чечне работает, если кистинец?

– Был и там. Почти месяц. Оттуда его погнали. Слишком много власти захотел. А чеченцы власть ни с кем делить не любят. Слишком большим авторитетом себя посчитал. Даже в Ингушетию пытался сунуться, но туда его вообще не пустили. Еле ноги унес вместе со своей хваленой кирасой.

– Но Бабур – это и не чеченское имя...

– Темирханов правильно говорит. Бабур – это кличка. Ты свободен, Темирханов. Что-то интересное вспомнишь, сообщи... Можешь товарищу подполковнику, можешь прямо в приемную к нам, скажешь только, по какому делу, тебя к майору Лимонову направят. Ему передашь...

Следующим допрашивали Джамсутдина Абдурашидова. Но тот в подробности не впадал, отвечал коротко «да» или «нет» и ничего не рассказывал. Сообщил только, что от него требовали отремонтировать беспилотник вертолетного типа, который ему завтра привезут. Он отказался, потому что нет запчастей. И заявил, что вообще работать на них не стал бы, если бы даже запчасти и были. Тогда все и началось.

– А ты специалист? – спросил следователь.

¹² Кистинцы – этнические чеченцы, компактно проживающие в Грузии рядом с российской границей в Панкисском ущелье в верховьях реки Алазани.

– Я – мастер спорта по авиамоделизму.

Больше он ничего рассказывать не стал. Словно сообщил что-то лишнее и боялся, что это может против него обернуться. Весь допрос скомкал. Ограничился тем, что «пришли, потребовали позвать Али», располагая, видимо, какой-то информацией. Рассказывать подробности Джамсутдин не пожелал. Это было характерное поведение для человека, только-только вернувшегося с «зоны». Но подполковник Староверов по глазам парня понял, что тот сам что-то замыслил. Он все еще находился, как показалось, в состоянии аффекта, и выудить у него какую-нибудь информацию было сложно. Понял это и следователь. И потому прямо на месте выписал Джамсутдину на следующее утро повестку на допрос и заставил расписаться в получении.

– А пока иди к семье. Успокой жену и ребенка. Если хочешь, я оставлю пару бойцов для защиты. Но только на сегодняшнюю ночь. Бабур может вернуться...

– Он – трус. Трусы никогда не возвращаются туда, где опасно. Я с удовольствием встречу его, если он появится... У меня есть дедовская старая булатная сабля...

Джамсутдин был категоричен, и категоричность эта подпитывалась жадой мести. Наверное, в крови у каждого из местных парней живут многовековые понятия адата. Обиду прощать они просто не умеют.

– С чего ты взял, что Бабур трус? – спросил подполковник Староверов.

– Я видел его глаза, когда он испугался мою собаку. Там была не злость, там был только дикий испуг. Я мог бы простить издевательство над собой, но он стрелял в уже мертвую собаку. Со злостью пускал в нее пулю за пулей. Этого я ему не прощу. Собака для меня как родной ребенок...

– Иди, – сказал следователь. – Я сам собачник и понимаю, что такое потерять собаку. Для нас, людей, собака – только эпизод в жизни, а мы для собаки – вся жизнь. И собака всегда верит хозяину и всегда на него надеется. Я понимаю тебя, Абдурашидов. Но не в твоих силах было защитить собаку в этой ситуации. Иди...

Джамсутдин вышел из машины, но пошел не в дом, а к вольеру, рядом с которым в луже крови лежало крупное тело застреленной кавказской овчарки. Снял с собаки ошейник с цепью, цепь бросил на землю, а ошейник намотал себе на кисть. Свободную руку положил на бок мертвой собаки, словно пытаясь прослушать, не бьется ли сердце. Но ничего не услышал и только после этого ушел в дом, так и оставив широкий ошейник намотанным на кисть.

– Получается, товарищ подполковник, Бабур и на вас открыл охоту. Но сам не поехал – не рискнул, послал Мансура. Ответный ход за вами. Данные на банду эмира Ягдарбекова у вас есть? Если нет, можем передать. Мы уже отослали их в антитеррористический комитет республики. Они должны были вам или в МВД передать.

– Нам передали. Хотя я подробно их еще не смотрел. Они

у начальника штаба на столе. Как вернусь, видимо, займусь изучением и я.

– Тогда – работайте... Флаг вам, как говорится, в руки...

– Работаем...

– Машина с вашими людьми стоит на улице.

– Я знаю. Но мы не прямо сейчас выезжаем работать...

Глава первая

В принципе, все данные для блокировки и уничтожения банды эмира Ягдарбекова были собраны, можно было приступить к действию. При этом в материалах, присланных из республиканского антитеррористического комитета, отдельное внимание уделялось уничтожению эмиссара ИГИЛ Бабура, носителя кирасы из дамасской стали. Слишком много разговоров о нем идет в определенных кругах, чтобы не обращать на этого человека внимания.

Группе дали день на изучение материалов и на подготовку к операции, которую в антитеррористическом комитете рассчитали и расписали поэтапно от начала и до конца, хотя давно уже знали, что напрасно заставляют ночами корпеть над картами офицеров своего оперативного отдела, когда проведение операции поручается спецназу ГРУ.

Еще полицейский спецназ, спецназ внутренних войск или спецназ ФСБ могут этих планов придерживаться, хотя последние тоже обычно действуют по-своему. Спецназ же ГРУ вообще всегда работает по собственным планам, хотя порой что-то заимствует и из готовых разработок. В основном данные разведки.

В данном случае материалы сначала передали просто начальнику штаба сводного отряда спецназа ГРУ, а уже из штаба они ушли в прикрепленную к отряду отдельную мобиль-

ную офицерскую группу «Лисий хвост, волчья пасть».

Для такой передачи было две причины. Во-первых, поступило указание сверху, напрямую от командующего войсками спецназа ГРУ, задействовать в этой операции ОМОГ подполковника Староверова, которого командующий хорошо знал лично и на опыт которого полагался. Во-вторых, сам подполковник уже имел контакт с участниками банды эмира Ягдарбекова, в результате чего один из бандитов, некий Мансур Абдулкеримов, лежал в настоящий момент прооперированный в реанимационном отделении лазарета следственного изолятора ФСБ республики.

Все следующее утро Василий Васильевич посвятил изучению материалов о банде. Отвлекся лишь на поездку в ФСБ, как и обещал следователю майору Лимонову. Но, вернувшись, снова засел за документы. И после подробного изучения этих материалов пришел к выводу, что сам он недостаточно грамотен в отношении такой значительной религии, как ислам, и потому воздействовать каким-то образом на религиозных фанатиков, что собрались в этой банде, возможности не имеет.

Фанатики всегда отличаются тем, что готовы жизнь за веру отдать. Чаще не только свою... Пока подполковник только сказал себе, что нет идеи, за которую стоит умирать, но есть идеи, за которые стоит убивать. Как воплотить свое желание уничтожить банду, он пока не знал. А ведь подполковник Староверов всегда отличался особым стилем боевой

деятельности. Он обычно умел найти нестандартный подход к противнику и даже, как порой ему удавалось, выявить и обострить разногласия в бандах и тем самым сделать их небоеспособными.

В данном случае Василий Васильевич пока не видел никакого варианта – только конкретные боевые действия, которые чаще всего и случаются при задействовании других групп спецназа. Но в данном случае боевые действия были затруднены тем, что банда эмира Ягдарбекова пряталась в пещерах, имеющих больше десятка выходов.

Можно было, конечно, все выходы заминировать, оставив один-единственный. И около этого единственного устроить засаду всеми силами ОМОГ. А это немалая сила – четырнадцать опытных боевых офицеров, каждый из которых стоит нескольких обычных бойцов, в целом же группа благодаря своей сработанности стоит, пожалуй, роты.

Но тогда бандиты будут знать, что у свободного выхода их ждут. И что же это будет за засада! Выманить противника наружу будет невозможно. Начнется долгое сидение на противостоящих позициях, без возможности ускорить события.

Такая трактовка предстоящей операции, кстати, предложенная оперативным отделом антитеррористического комитета, самому Сварогу активно не нравилась. Правда, офицеры оперативного отдела почему-то были уверены, что бандиты обязательно пойдут на прорыв. Но в пещерах у них, как говорят те же самые данные антитеррористического комите-

та, склады с продовольствием на полгода и есть подземные реки с пресной питьевой водой. И бандиты, таким образом, смогут полгода пытаться пересидеть спецназовцев, был уверен Сварог. Кто дольше выдержит!

А идти на штурм пещер – равнозначно самоубийству. Бандиты обязательно заминируют все проходы, некоторые «горизонты» и галереи намеренно обвалят. Сами они будут знать заминированные места, будут отступать в глубину с осторожностью, заманивая преследователей туда, где дистанционным взрывом можно похоронить сразу всех.

При этом, согласно заданию, отпадал обычно повсеместно используемый метод борьбы с бандитами, засевшими в пещерах, когда по всем выходам стреляют из огнеметов «Шмель-М», термобарические заряды выжигают внутри все живое и неживое. Уцелеть после такого обстрела невозможно. Через какое-то время, когда остынут оплавленные камни, можно входить в пещеру и собирать кости бандитов. Если, конечно, создаваемый взрывом перепад давления саму пещеру не обрушит, что часто случается.

Но спецназовцам на карте отметили несколько существующих в пещере гротов, где, как предполагали оперативники, реально могли быть устроены склады. Эти склады требовалось захватить и сохранить, что бы в них ни находилось. А что в них будет находиться, разберется специальная комиссия специалистов ФСБ и антитеррористического комитета. Спецназу даже не объяснили, что в данном случае требуется

искать. Просто собрать все, что можно. Значит, уничтожению подлежала только живая сила и никак не материальные средства банды. Это дополнительно осложняло и без того не самую простую задачу, и требовалось что-то придумать, чтобы заставить бандитов покинуть пещеру.

Офицеры группы уважали мнение подполковника, но и сам он часто прислушивался к советам, которые давали другие офицеры. Это вовсе не говорило о том, что командир будет поступать в соответствии с этими советами, но часто случалось, что совет, ни на что по большому счету не годный, иногда даже шуточный, заставлял сделать какой-то конкретный шаг, и шаг этот становился решающим в удачном завершении очередной операции. А неудачно завершённых операций на счету «Лисьего хвоста», как сокращенно звали группу, не было.

Собрав группу в тесном «кубрике», так офицеры называли отведенную им комнатку в общей солдатской казарме автороты, обслуживающей сводный отряд спецназа на постоянной основе, Василий Васильевич поделился со своими бойцами данными, полученными им в антитеррористическом комитете. Сидели на двухъярусных кроватях, слушали командира, каждый в соответствии с собственным воображением оценивал поставленную группе задачу.

– Вопрос такой, – завершил вводную часть Сварог. – Как будем выманивать банду из пещеры? Сами они не выйдут. Если кто-то и отправится на задание, как те двое, что вчера

уходили к Джамсутдину Абдурашидову и меня с Али Темирхановым захватить хотели, основные силы все равно останутся на базе. Захватим, предположим, несколько человек, остальные насторожатся. Тогда их вообще из пещеры не вытащить никакими уловками. Оперативный отдел антитеррористического комитета дает совет, который я сразу отвергаю...

– Что за совет, командир? – поинтересовался капитан Севастьянов, штатный сапер группы.

– Тебя работой загрузить, пока остальные будут отсыпаться.

– Я работы не боюсь, – согласился капитан. – А другие не боятся поспать лишний часок, если возможность подворачивается.

Капитан посмотрел на офицеров группы, словно предлагая им поспать, но никто на его предложение не среагировал. Офицеры ОМОГ давно уже свыклись с четырехчасовой нормой сна в сутки, и если спали больше, то чувствовали себя разбитыми и уставшими. Это была стандартная для спецназа ГРУ норма сна, одинаковая и для солдат, и для офицеров. Солдат, которые не могли справиться с этой нормой, отправляли дослуживать в другие, более мирные части, а офицерам приходилось втягиваться в этот график и привыкать. Не сразу, но привыкали все. Привыкали и считали это нормальным. Спать же меньше четырех часов запрещала военная медицина. И только во время боевых операций случа-

лось, что офицерам вообще не удавалось поспать сутками.

– Предлагают заминировать все известные выходы и устроить то, что они называют засадой, хотя любая засада подразумевает неожиданность, а здесь неожиданности не получится, как не получится главного. Бандиты не полезут на выход под пули, а предпочтут нас к себе в пещеру пригласить. Где обязательно заманят в опасный «горизонт», который завалят вместе с нами взрывом. Есть желающие такой вариант испытать на себе?

– Нет желающих! – ответил за всех майор Волосняков. – Пусть дураков в другом месте ищут.

Майор был категоричен и строг. Он всегда хотел таким казаться, хотя по жизни вовсе таковым не был, это в группе знали все.

– А что предложишь, Дмитрий Валентинович? – спросил подполковник.

– Думать надо, как их выманить... – Волосняков наморщил лоб, но ничего, похоже, с разбега придумать не смог.

– Когда необходимо приступить к выполнению? – поинтересовался всегда мягкий и улыбчивый старший лейтенант Закопаев.

– Завтра с утра. Такой нам поставили срок.

– Хорошо бы узнать, что они особенно ценят и от чего шарахаются, – предложил старший лейтенант. – Первым их можно из пещеры выманить, вторым – просто выгнать.

– Ценят они больше всего на свете, как все бандиты, день-

ги, – предположил майор Волосняков. – Можно подумать, как подбросить им какую-нибудь «дезу» о перевозке валюты. Многие на это охотно клюют. Да мы сами, помнится, такой вариант в Ингушетии отрабатывали.

– Клевали сначала, – не согласился капитан Севастьянов. – Сейчас уже все такие ловушки знают и не бегут сломя голову.

– Банда состоит из религиозных фанатиков, – не согласился со своим заместителем подполковник Староверов. – Фанатики могут быть равнодушными к деньгам. Даже, скорее всего, равнодушны.

– А к чему они неравнодушны? – спросил майор Волосняков так, словно командир группы обязан был знать ответ.

– Если бы я знал, я бы вас не спрашивал...

– Они неравнодушны... – улыбнулся старший лейтенант Закопаев. – Они неравнодушны к тому, что противно их вере. Например, исламист никогда не прикаснется к свинье... Я помню, когда служил в Таджикистане, там кабаны виноградники вытаптывали. Местные охотники два стада перестреляли, а потом обратились к нам, чтобы мы кабаньи туши вывезли из виноградников. Чтобы себе забрали – солдат кормить, потому что им ислам не позволяет к свинье, даже к убитой, прикасаться. Вот бы вместо мин натаскать им в эти пещеры кабанов...

– Где ты столько кабанов наберешь? – усмехнулся майор Волосняков.

– Кабанов, может быть, в нужном количестве и не найдем, – ухватился за мысль подполковник Сварог. – Но вот свиные туши, думаю, найдутся... И свиной навоз тоже. И даже надеюсь по простоте душевной, что бесплатно...

Он развернул перед собой карту района предстоящих действий, внимательно просмотрел ее, потом резко встал и вышел из «кубрика», жестом приказав всем сидеть и ждать. И на ходу вытащил свой смартфон. Но позвонил только с улицы, убедившись, что никого рядом нет. Звонил напрямую командующему войсками спецназа ГРУ полковнику Мочилову. Командующий ответил почти сразу. По номеру определил, кто звонит. Память у полковника отменная. Память человека, всю свою сознательную жизнь прослужившего в спецназе военной разведки, где память всегда специально тренируют. Где человеку с плохой памятью, известное дело, вообще ловить нечего, кроме статьи о профнепригодности.

– Здравствуй, Сварог. Проблемы?

– Здравия желаю, товарищ полковник. Так точно. Есть небольшие проблемы, которые сам я решить не в состоянии. Да и местные власти, в силу своих религиозных верований, тоже, думаю, помочь мне не смогут.

– Интересно. Слушаю тебя.

– Я вчера случайно перед телевизором в казарме остановился. Солдаты смотрели. Новости из соседней области, из Ставропольского края. Там в каком-то районе зарегистрировали вспышку чумы свиней...

– Может быть. Я человек в принципе порядочный и телевизор не смотрю. Да и некогда. И что эта чума? На людей с оружием бросается?

– Нет, товарищ полковник, для людей она не опасна. Только для животных. Но из-за вспышки в каком-то свиноводческом комплексе того же района будет уничтожено все поголовье. Так диктор сказал. Поголовье свиноводческого комплекса, как я понимаю, это очень много свиней. Нам бы хотя бы с полсотни туш. И пару сотен мешков навоза. Обязательно свиного. Другой не годится. И обязательно срочно.

– Интересные запросы... – командующий недоумевающе хохотнул. – А с какой целью, позволь поинтересоваться, тебе все это понадобилось? Туши свиней, понимаю, большое пиришество желаешь закатить. Наверное, на весь сводный отряд спецназа. А навоз зачем? Да еще в таком количестве. Гостям в карманы засыпать? Чтобы больше не приходили...

Подполковник Сварог уже сформулировал в голове мысль и выложил ее, как стройную теорию.

– Да... Любопытную войну ты придумал, – озадачился полковник. – Хотя не могу не согласиться, что это может оказаться самым действенным методом. Особенно когда применяешь такое против фанатиков. Только вот не знаю, как вопрос решить практически. Если в районе объявлен карантин, нам не разрешат вывезти туши. Есть возможность распространения эпидемии.

– В закрытых машинах, с опечатанными кузовами. Я дру-

того варианта не вижу, товарищ полковник. Рисковать так рисковать...

– То есть ты толкаешь меня на должностное преступление. Спасибо, Василь Василя. Думаешь, снимут меня с должности, с новым командующим тебе будет легче работать? А кто на мое место метит? Не знаешь? А я вот знаю. И не уверен, что ты с ним сработаешься...

– Я не подумал, товарищ полковник. – Сварог готов был пойти на попятную, но все же решил несмело продолжить: – Документацию подготовить несложно. Из третьего района... Даже из другой области...

Как умеют в ГРУ «делать» документы, командир ОМОГ отлично знал.

– Ладно. Ты не помнишь, сколько у нас грузовиков в Моздокской бригаде в наличии?

– Этого я, товарищ полковник, и не знал никогда. Но нам больше пары машин не надо. С большим грузом мы просто физически не справимся.

– Я приму решение. Жди моего звонка в течение часа, от силы двух. Но – жди. Я разведу возможности и выясню риски...

Сварог вернулся в «кубрик», где его дожидались бойцы группы. Вопросов никто не задавал. Все знали, что, если будет необходимость, командир сам сделает сообщение...

Командующий позвонил уже через сорок минут. Трубку Староверов держал в руке и потому, только коротко глянув на определитель номера, ответил сразу:

– Слушаю, товарищ полковник.

– Василий Васильевич, я тут обговорил с сотрудниками твой вариант. Большинство не советуют рисковать. Скандал может возникнуть крупный. Тем не менее я решил на риск пойти. Правда, с машинами получилась сложность. Полностью обеспечить машинами весь груз не получается. Но у нас есть в запасе два большегрузных вертолета. Они как раз и займутся доставкой туш. А машины привезут навоз, расфасованный по мешкам. С руководством свинокомплекса вопрос решен. Уже начинают забой свиней и расфасовку навоза в мешки. С оплатой тоже договорились. В цене сошлись легко. Они рады несказанно. Наша акция позволит им выжить. Иначе они уже готовы были туши сжигать и даже солярку для этого закупать собирались. Но официально они все это в любом случае сделают. А мы сделаем свое дело. Твое то есть, кровное... Когда на место выступаешь?

– Сегодня ночью, товарищ полковник.

– С рассветом жди звонка. На тебя выйдут. Примешь вертолеты и грузовики. Грузовики придут прямо к воротам ущелья. Вертолеты должны будут сесть где-то рядом. Я да-

же приказал выделить тебе два взвода солдат из Моздокской бригады для разгрузки вертолетов и машин. Солдаты будут без оружия, потому ты подстрахуй. И отправь их назад тем же автомобильным транспортом. Не задохнутся в кузове. Там ветерок. Да и навоз будет в мешках. По сто мешков в каждом кузове. Командиров взводов, если будет необходимость, можешь задействовать в операции. У тебя же в группе, кажется, четырнадцать бойцов?

– Так точно, товарищ полковник. Я – пятнадцатый.

– Ухамаздаетесь... На себе туши таскать... Запаситесь тележками...

– Где их в наших условиях взять? В поселковом магазине если и найдется пара штук, то это весь запас. А базы нет даже в райцентре. Если бы раньше заказать, могли бы доставить. Но мы же – русские, мы задним умом сильны. Если что, будем туши прямо с вертолета сбрасывать. Лишь бы вертолетчики не отказались. Своего рода бомбардировка...

– Хорошо. Я попрошу, чтобы в Моздоке поискали тележки. Если найдут и взять успеют, привезут с грузовиками. У меня все. Конец связи. Удачи тебе, Сварог...

– Конец связи, товарищ полковник. – Староверов выключил трубку и добавил уже сам себе: – Удачи мне...

* * *

В материалах, подготовленных в республиканском управ-

лении ФСБ для антитеррористического комитета, не было подробной карты пещеры, в которой пряталась банда эмира Ленура Ягдарбекова, был только от руки выполненный на карте ущелья план, нанесенный красным карандашом прямо поверх других обозначений. И только выходы из пещеры были обозначены зелеными крестиками.

Но подполковник Сварог хотел иметь более подробную карту. В материалах дважды присутствовали ссылки на некоего профессора из МГУ, преподавателя физики Рамиза Саламовича Шагабутдинова, носившего в молодости звание мастера спорта по спортивному спелеотуризму. Этот человек несколько раз водил группы кейверов¹³ в эту самую пещеру. Но найти его для консультации республиканскому управлению ФСБ не удалось. Сварог хорошо знал всю систему силовых структур страны и потому прекрасно понимал, что официальный запрос занимает непозволительно много времени, а если желаешь добиться быстрого результата, ищи знакомых. Лучше всего хороших знакомых, которые тебе чем-то обязаны. Но поскольку хороших знакомых в республиканском управлении у подполковника Староверова не было и никто ничем не был обязан командиру ОМОГ, пришлось удовлетвориться тем, что есть. То есть связаться через дежурного с майором Лимоновым, с которым виделся только сегодня утром по делу о покушении на себя и двух бывших наемников ИГИЛ. Получив после долгого сложного разго-

¹³ Кейвер – спелеолог, специалист по пещерам.

вора телефонный номер стационарного аппарата, поскольку сотовый номер майора Лимонова никак на вызовы не реагировал, кроме долгих длинных гудков, Василий Васильевич позвонил.

– Николай Владимирович, еще раз здравствуй. Подполковник Староверов беспокоит...

– Что, Василь Василии, вспомнил что-то интересное или новое покушение было?

– Ни то ни другое. Просто я получил приказ на уничтожение банды Ягдарбекова вместе с этим самым Бабуром...

– Хороший приказ. Хочешь пригласить меня на охоту?

– Если у тебя есть как минимум звание кандидата в мастера по спортивному спелеотуризму. Перворазрядников в ту пещеру, где эмир устроил себе логово, не допускают. А после ее прохождения присваивается звание мастера спорта.

– Не приглашаешь, значит... – усмехнулся майор в трубку. – И отказываешь весьма вежливо, поскольку у меня даже первого разряда по спелеотуризму нет. Ладно. Чем обязан?

– Ты не можешь узнать у людей, которые готовили для меня материалы, откуда взялась карта пещеры и почему она просто нанесена на карту ущелья и не существует в отдельности?

– Не думаю, что мне это будет слишком сложно. Я просто найду тебе нужного человека, попрошу тебе позвонить, и ты задашь ему все волнующие тебя вопросы.

– Договорились. Жду звонка. Мой номер у тебя есть.

Майор Лимонов минувшим вечером показался Сварогу смурным и принципиально вредным человеком, с которым трудно найти общий язык. Утром при новой встрече Василий Васильевич переменял свое мнение. Поговорили они легко, тем более подполковник спецназа ГРУ не настаивал на своем присутствии на допросах фигурантов, чего следователи традиционно не любят, и удовлетворился пересказом особенно важных моментов самим Лимоновым. И звонок подполковника майору подтвердил утреннюю версию следователя. Тот оказался достаточно легким и на подъем, и вообще в общении. Более того, он и слово умел держать. Так, через пять минут на трубку Старовойтовой позвонили:

– Полковник Локоминадзе, ФСБ Дагестана, – представился звонивший раскатистым баском, от которого в трубке играло легкое эхо, раздваивая голос, что, впрочем, не мешало слушать. – Меня майор Лимонов просил позвонить...

– Да, товарищ полковник. Это по моей просьбе. Меня интересует пещера, в которой прячется эмир Ленур Ягдарбеков...

– Да, мне объяснили. На карту пометки были нанесены спелеологом из Махачкалы, который давным-давно, еще при советской власти, ходил в эту пещеру в составе группы под руководством профессора Рамиза Шагабутдинова. Все обозначения нанесены на карту исключительно по памяти. А память у этого человека, можно сказать, уникальная. Он очень редко ошибается. Профессиональная память.

– Он кто по профессии? Разведчик?

– Профессиональный карточный шулер. Я сам ездил со своей картой, не игральной, а топографической, к нему на «зону». Там он и нанес пометки на мою карту. И даже гроты отметил как места, удобные для организации складов. И сообщил, что полная карта пещеры была только у одного человека – у профессора Шагабутдинова. Мы пытались найти профессора, но он в длительной командировке за границей – по обмену научными данными. Кажется, в Австрии, и связаться с ним не удалось. Да и связываться бесполезно. Он же не бросит все дела и не прилетит на пару часов в Москву ради какой-то старой карты, если даже она у него сохранилась, что тоже сомнительно. Рамиз Саламонович человек уже в возрасте, и больше двадцати лет как по пещерам не путешествует. Пришлось положиться на память шулера...

– Шулер знает, зачем нужна эта карта?

Вопрос прозвучал настороженно...

– Обижаете, товарищ подполковник. Мы такие промахи можем иногда сделать только умышленно, по оперативной необходимости. О том, что эмир Ягдарбеков в разработке, знают во всем нашем управлении только начальник нашего оперативного отдела и мы, четыре исполнителя. Да еще майор Лимонов. Но этот только с вашей подачи. Я здесь ни при чем. Но Лимонов – человек не из местных. Прикомандированный. Связями здесь не оброс. Нам всем, прикомандированным, запрещают обрастать связями. Только агентурой.

Кто знаком с делом в антитеррористическом комитете, мне неизвестно. Но не думаю, что это слишком широкий круг лиц. Это устоявшаяся практика.

– То есть где искать настоящую карту, товарищ полковник, вы мне подсказать не в состоянии? – настаивал на прямом ответе Сварог.

– Не в состоянии, – конкретно подтвердил полковник Локоминадзе.

– Ладно, товарищ полковник. Спасибо и на том. Рекомендации по минированию всех, кроме одного, выходов тоже вы давали? И по устройству засады на единственном не заминированном выходе.

– Нет. Это уже, видимо, разработки оперативников антитеррористического комитета. Надеюсь, вы всерьез к их рекомендациям не прислушаетесь? Там всегда советуют то, что делать не требуется ни при каких обстоятельствах.

– Я еще не знаю, к чему прислушаюсь всерьез. Это будет ясно только после того, как мы проверим все выходы из пещеры. До свидания, товарищ полковник.

– Удачи вам, Сварог...

Оказывается, полковник ФСБ знал даже позывной подполковника Староверова...

Глава вторая

– Ну, что, Василь Василии, будем отсыпаться перед завтрашним делом? – спросил майор Волосняков.

– Извини, Дмитрий Валентинович. Отсыпаться нам, возможно, вообще не придется. По крайней мере, в сегодняшнюю ночь. Вылетаем, как только будет готов вертолет.

– А когда он будет готов?

– Предполагаю, что с минуты на минуту. Позвонят. Я заказал вылет уже больше часа тому назад. Должны успеть.

Как подполковник рассчитывал, так и получилось. Трубка у него «подала голос» меньше чем через минуту.

– Вертолетная площадка... – коротко глянув на определитель номера, сообщил командир группе. – Все на выход, в полной боевой готовности...

Приложил трубку к уху, выслушал сообщение и сказал коротко:

– Мы выходим...

Вертолетная площадка находилась неподалеку, внутри военного городка, сооруженная на заасфальтированном плацу, за ненадобностью последнего. В самом деле, кто будет проводить на плацу строевые занятия, если такие занятия в сводном отряде вообще не проводятся. Для этого есть стационарное расположение части, бригадный или батальонный городок со всеми соответствующими атрибутами. А здесь,

когда спецназовцы находятся в составе сводного отряда по полгода, часто уходя из рейда в рейд по горам, не успев толком отоспаться, проводить строевые занятия смешно. Смешно было даже плац здесь соорудить. Но военный городок строился, видимо, по стандартному проекту, и потому площадку выровняли и заасфальтировали. Но разметку на асфальт нанесли уже настоящую, вертолетную. И четыре закрепленных за сводным отрядом вертолета «Ми-8МТВ-5» и один «Ночной охотник» постоянно стояли там в боевой готовности.

Бойцы отдельной мобильной офицерской группы строевой подготовкой не занимались тем более. Да они и прибыли в расположение сводного отряда совсем недавно. Тем не менее где находится вертолетная площадка, знали прекрасно, поскольку каждый день наблюдали ее из окна своего «кубика».

И привычной колонной сразу направились к месту, один только Сварог бегом поспешил в штаб, чтобы забрать там копии карт, которые зачем-то были распечатаны на цветном принтере для каждого бойца группы, хотя каждый боец имеет ту же самую карту на своем планшетнике. Но дублирование «на всякий пожарный случай» никто еще не объявил делом вредным, и штабу тоже хотелось быть хоть чем-то полезным бойцам. Вот и печатали, дублировали...

Василий Васильевич побежал в штаб, не сняв рюкзак, который бежать ему, впрочем, кажется, не мешал, хотя внеш-

не был нелегким. Свой вертолет бойцы определили безошибочно по открытой дверце погрузочно-разгрузочного люка. Хотя винты еще не начали вращаться, ошибки не произошло. И изнутри, разворачиваясь при их приближении, опустилась складная лесенка-трап. Встречающий спецназовцев бортмеханик постарался. Загрузились за секунды, поскольку все свое каждый носил на себе. Последним совершил посадку Василий Васильевич, подоспевший вовремя. Лестница поднялась. Люк плотно, как и полагается в авиации, закрылся. Винты вертолета закрутились, стали набирать обороты еще раньше, чем офицеры группы сняли свои рюкзаки и расселись по боковым сиденьям. Сам подполковник Староверов, устроив рюкзак рядом со своим сиденьем, заглянул в кабину пилотов, чтобы уточнить задание.

Вертолет взлетел. Дело это для спецназовцев было привычное и не вызывало никакого волнения. Полет проходил на небольшой высоте, хотя и выше «бреющего» полета, поскольку остро торчащих скал на пути было множество, и все разной высоты. При этом приборы военно-транспортного вертолета внимательно «ощупывали» все пространство впереди себя, в том числе и сами скалы. И робот-тепловизор готов был предупредить о любом тепловом объекте, который может представлять угрозу. Такой объект можно было легко «погасить» хоть с помощью восьмидесятимиллиметровых НУРСов¹⁴ С-8, подвешенных под короткие кры-

¹⁴ НУРС – неуправляемая ракета.

ля вертолета, официально называемые балочными держателями, хоть с помощью двуствольной автоматической пушки калибра двадцать три миллиметра. Три – три с половиной тысячи снарядов такой пушки, выпущенные за минуту, разнесут в пыль любое бетонированное укрепление вместе с укрывшимися там людьми.

Продолжался полет чуть больше пятидесяти минут. В завершение его, когда машина вышла в заданный район, подполковника Староверова позвали в кабину пилотов, чтобы согласовать с ним место высадки группы. Показывать пришлось пальцем, и не в карте, а внизу, за стеклом «фонаря» кабины. Время суток еще позволяло рассмотреть несколько мест и выбрать наиболее удобное для дальнейших действий.

Вертолет сбавил ход, поднялся выше, чтобы приборами поиска осмотреть местность на предмет опасности, сделал круг, опасности не обнаружил и только после этого снизился и завис над землей на расстоянии около метра.

Здесь уже трапом никто не пользовался. Спецназовцы спрыгивали на землю друг за другом, отбрасывали в сторону рюкзак, сами перекатывались, чтобы не принять на голову каблук следующего, и вставали на ноги уже в стороне, образуя круг, ошестинившийся наружу автоматными стволами.

Последним в этот круг спрыгнул Сварог. Перекатился, встал на ноги и сделал знак бортмеханику, который наблюдал, как проходит десантирование. Люк закрылся, вертолет,

набрав высоту, продолжил полет в прежнем направлении. Это делалось на случай, если со стороны кто-то наблюдал за вертолетом. Для такого наблюдателя посадка прошла бы, скорее всего, незамеченной, потому что завершилась быстро.

Иногда такое десантирование производится при медленном движении вертолета над землей. Но в данном случае медленному движению мешали скалы, между которыми спецназовцы и высаживались. Вертолету же предстояло пролететь еще около получаса и только после этого вернуться на базу в военном городке. С целью маскировки места десантирования группы спецназовцев точно по тому же маршруту уже три дня летали вертолеты антитеррористического комитета. Причем по паре штук в сутки – один днем, второй ночью. Предполагалось, что спецназ будет высаживаться ночью. Но подполковник Староверов поступил по-своему, не принимая во внимание разработки оперативного отдела антитеррористического комитета. И само место высадки изменил. Ему предлагалось высадиться у входа в ущелье, что называется, у самых ворот. Но он предпочел место в стороне, примерно в часе ходьбы до этих ворот, на немного приподнятой площадке, окруженной со всех сторон разнокалиберными скалами. Здесь, если возникнет необходимость и не появится других, более приемлемых вариантов, можно будет принимать по одному и те вертолеты, что позже доставят груз. А внизу, по другую сторону скал, можно будет поста-

вить грузовики с навозом.

После высадки время зря не теряли. Часть группы сразу взялась за устройство лагеря, а майор Волосняков, снайпер старший лейтенант Африканов и сапер капитан Севастьянов получили отдельное задание. Сварог раздал всем своим бойцам по карте, где была обозначена пещера.

– Крестики – это отдельные входы в пещеру, – подполковник Староверов ставил задачу для малой группы. – Необходимо проверить, на месте ли входы, не заминированы ли. Если заминированы, следует разминировать. – Сварог посмотрел на Севастьянова: – Реально сделать это в полной темноте, Анатолий Игоревич?

– Все зависит от того, насколько сложно взрывное устройство.

– Значит, так, – взгляд командира перешел на Волоснякова и Африканова. – Вы вдвоем боитесь сапера. Сначала все вокруг просматриваете в тепловизоры. Если нет угрозы, подсвечиваете Севастьянову фонариком. Один – подсвечивает, второй продолжает страховку. Проверить следует все входы в пещеру. Работу необходимо завершить в темное время суток. Себя мы обнаружим только к утру. Это значит, что малой группе разрешается снимать часовых и ликвидировать любую опасность опережающим выстрелом. При этом предпочтительнее выстрел без звука. Потому, Саня, с собой берешь «винторез». Но лучше, если будете уходить, как лисы, замечая след хвостом. Без эксцессов. Волчью пасть мы им

потом покажем. Дмитрий Валентинович, тебе еще одна важная задача. Против главного входа в пещеру просмотри возможность устройства позиции для всей группы. Все остальное ты и сам знаешь. У меня все. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – ответил Волосняков. – По ходу дела они, естественно, возникнут, без этого не бывает. Тогда спрошу по связи.

– Договорились. Выступайте. Все особенности местности наносить на карту, поскольку картам нашим давно пора на пенсию. Предпочтительно наносить в карту на планшетнике и сразу включать опцию циркулярного размножения, чтобы изменения стали доступны всем.

Это предупреждение было по большому счету лишним, так как бумажными картами в спецназе уже предпочитали не пользоваться. А с планшетниками давно сдружились все офицеры группы. К хорошему, как известно, привыкаешь быстро.

– Понятно. Разреши идти, Василь Василии?

– Идите...

Военные разведчики никогда лихо не козыряли, как никогда не разбивали один о другой каблуки. Просто развернулись и пошли...

* * *

Задача малой группе была поставлена сложная, но вполне

выполнимая, в духе тех задач, которые военные разведчики выполняют постоянно. Все бойцы «Лисьего хвоста» умели при необходимости проползти в темноте между двумя разговаривающими друг с другом людьми и остаться при этом незамеченными. И потому они не видели особой сложности в исследовании входов в пещеру. Пошли сразу ходко.

Сначала темп задавал майор Волосняков. Из него ходок всегда был хороший. Сухопарый, скуластый, жилистый, Волосняков выглядел человеком упертым и непоколебимым в своих устоявшихся привязанностях, физически сильным не мышцами, а каким-то внутренним состоянием. Майор Волосняков не понимал в принципе, что такое физическая усталость. Тем не менее через несколько пройденных километров на месте ведущего его сменил капитан Севастьянов, до этого идущий вторым.

Снайпер старший лейтенант Африканов время от времени вынужденно отставал, но легко догонял товарищей. А отставание его было связано с тем, что Африканов постоянно поднимал к глазам бинокль с тепловизором и просматривал пространство впереди и по сторонам. Но едва Волосняков перешел на позицию замыкающего, как Африканов передал свой мощный бинокль с тепловизором ему, и теперь уже майор вынужден был придерживаться рваного темпа, который, впрочем, давался ему легко.

Как раз после смены ведущего малую группу вызвал на связь подполковник Староверов. Связь осуществлялась че-

рез входящий в оснастку «Ратник» коммуникатор «Стрелец»¹⁵ и была достаточно устойчивой, мало реагировала на экранирование горных массивов.

– Второй. Я – Сварог. Как дела, Дмитрий Валентинович?

– Нормально, Василь Василии. Выдвигаемся в заданный район. У вас там что-то произошло?

Выход командира на связь в то время, когда он знает, что малая группа еще в пути, может быть вызван только вескими причинами. Об этом Волосняков и спрашивал. И ему не было необходимости объяснять, откуда у его вопросов ноги растут. Они со Сварогом уже много лет вместе служат и дав-

¹⁵ Коммуникатор «Стрелец» – инновационная система не только связи, но и разведки, и управления подразделением (потому официально, в дополнение к названию «Стрелец», и второе название имеет – «КРУС» – комплекс разведки, управления и связи). Включает в себя телефонно-микрофонную гарнитуру, убираемую в шлем, модуль индивидуальной радиосвязи, модуль спутниковой навигационной системы, работающей в форматах ГЛОНАСС и GPS, пульт оперативного управления (например, солдат всегда может нажать определенную кнопку, чтобы сообщить командиру о том, что он ранен, и попросить помощи). С помощью «Стрельца» командир всегда видит на своем планшетном компьютере, где в конкретный момент находится каждый из его бойцов, точно так же, как показывает местонахождение связанного со «Стрельцом» индивидуального «планшетника». Там же, связанный в системе, имеется дальномерно-угломерный прибор, многофункциональный пульт, позволяющий отправлять текстовую и видеoinформацию командованию, и еще с коммуникатором и «планшетником» связаны многие функциональные элементы. Входит в комплект оснастки «солдат будущего» – «Ратник». Небольшая пластиковая коробочка, срезанная с одного угла, крепится обычно клипсой на левой стороне груди военнослужащего. Обеспечивает как связь внутри подразделения, так и связь с вышестоящим командованием. Одновременно работает как кодирующее устройство связи, не позволяющее противнику прослушивать оперативные разговоры и приказы командования.

но научились друг друга понимать с полуслова.

– Наблюдатель заметил приближающуюся к нам машину. Идет вдоль горной гряды. Уже достаточно темно, чтобы точно сказать, но мне в бинокль показалось, что это полицейский «уазик». Мы его пропустим. И вы пропустите. У меня есть опасения, что «уазик» этот едет в гости к эмиру Ягдарбекову. Тогда становится понятно, откуда у эмира появляется информация. Обо мне, например, или об Али и Джамсутдине. Мы постараемся заснять машину и рассмотреть номер. Ты тоже это сделай. И будь внимательнее у ворот ущелья. Посмотри там, не найдешь ли следов. Если что будет, снимай. Главное, чтобы света на съемку хватило. Но там, кстати, «ворота» достаточно широкие, и на треть ущелья в глубину машина, если судить по карте, может проехать. Посмотри и постарайся в самом ущелье не встретиться с ними.

Приказ, как обычно, отдавался всей малой группе, но обращение при этом звучало в единственном числе. Так было заведено.

– Я постараюсь, командир... – а это, в свою очередь, значило, что постарается вся малая группа.

– Василь Василя, – вмешался в разговор старший лейтенант Африканов. – Есть деловое предложение. Могу аккуратно и без звука колесо им прострелить. Так, чтобы рядом уже наша засада сидела. Они выйдут, там мы их и повяжем. Думаю, справимся без проблем, даже если в машине полный комплект пассажиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.